

Уорн Юговур

АМЕРИКАНСКИЙ ПУТЬ

Люди, создававшие страну

We the People of the United States
insure domestic Tranquility, provide for the common defence, promote the general Welfare,
and our Posterity, We ordain and establish this Constitution for the United States of America.

Article. I
Section. 1
All legislative Powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States, which shall consist of a Senate and House of Representatives.

Уорн Фудовир

АМЕРИКАНСКИЙ ПУТЬ

Люди, создававшие страну

Игорь Юдович

Американский путь. Люди, создававшие страну

Igor Yudovich

The American Way. People Who Shaped the Country
(Amerikanskiy Put'. Lyudi sozdavavshiye stranu)

Печатается в авторской редакции

Copyright © 2013 by Igor Yudovich

Copyright © 2013 by M•GRAPHICS PUBLISHING

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1-940220-04-8

Library of Congress Control Number 2013952571

Published by M•GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

781.990.8778

Book Design by M•Graphics Publishing © 2013

Cover Design by Paul Kraytman

Иллюстрации в тексте: commons.wikimedia.com

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**[™] (www.batov.ru)

Printed in the United States of America

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга в виде ряда статей первоначально была опубликована он-лайн на интернет-портале www.berkovich-zametki.com и значительно доработана для данного издания после обсуждения и с учетом критики читателей портала.

Я благодарен Евгению Михайловичу Берковичу за возможность первой публикации. Я благодарен многим из моих друзей за важную и своевременную критику, за советы и помощь. Среди них: Борис Дынин (Торонто), Борис Тененбаум (Бостон), Юлий Герцман (Лос Анжелес), Элизер Рабинович (Нью-Джерси), Илья Гирич (Нью-Йорк).

Владимир Янкелевич (Израиль) взял на себя титанический труд редактирования текста, ему моя особая благодарность.

Вряд ли эта книга могла появиться без помощи и доброжелательных советов моей жены, Марии Юдович.

Всем названным и многим другим, неназванным — спасибо.

*За тех, кто далеко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.*

(Из Роберта Бернса)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги — иммигрант. Один из примерно 40 миллионов, ныне живущих в Соединенных Штатах Америки. Каждый из нас эмигрировал в новую для себя страну со своим жизненным опытом, своей культурой, своей мечтой.

Если опыт, культура, традиции, язык у всех разные, то мечта, или, если сказать не так возвышенно — цель, у большинства одна: стать американцем. Что же это такое, американец? Откуда он взялся, через что прошел, что приобрел и что потерял во время своего более чем четырехсотлетнего пути? Можно ли вообще найти что-нибудь общее в историческом опыте нескольких сотен миллионов совершенно разных людей, можно ли при этом выделить какие-либо «этапы большого пути», которые свойственны только американцам и, в частности, новым американцам? А если найти такие особенности и отличия все же возможно, то как это знание поможет сегодняшним иммигрантам?

Похожие вопросы стояли перед иммигрантами во всех поколениях.

В 1919 году один из героев этой книги, член Верховного суда Соединенных Штатов Луис Брандайс, писал: «Американизация означает, что иммигрант принимает стиль одежды, манеры, привычки и традиции преобладающие здесь... признает своим английский язык, вместо бывшего ему родного... делает все возможное, чтобы его интересы и привязанности глубоко укоренились здесь... приходит к полной гармонии с *нашими идеалами и стремлениями* (выделено мной — И. Ю.) и кооперируется с нами для их достижения». Когда это все будет достигнуто, он обретет «национальное сознание американца».

Совершенно очевидно, чтобы иммигранту сознательно прийти к «полной гармонии с... *идеалами и стремлениями*» приютившей тебя страны, неплохо для начала узнать, в чем эти идеалы и стремления состоят.

Я эмигрировал в США ровно через семьдесят лет после того, как Брандайс написал эти слова, но только прожив более двадца-

ти лет в новой стране, осознал, может быть позже, чем надо, что об истории возникновения и развития «идеалов и стремлений» США знаю меньше любого отличника американской средней школы, не говоря уже о нормальном образованном взрослом американце. Мне, с багажом обычного советского образования, было гораздо легче объяснить разницу между братьями Ульяновыми, чем братьями (троюродными) Адамсами. Причины Гражданской войны в России я представлял куда отчетливее, чем Гражданской в США. Роль и значение Политбюро не вызывали у меня вопросов, в отличие от роли Конгресса или значения Верховного суда США. Вначале я задал себе простые вопросы: кто были первые американские президенты? Кто такие «отцы-основатели» американской республики и сколько их было? Почему нормальные отношения между колониями и империей совершенно внезапно оборвались Войной за независимость и каким образом малочисленные, необученные ополченцы тринадцати не очень дружественных друг к другу колоний — колоний, практически не производящих оружия, умудрились выиграть войну против самой сильной в мире военной державы? Почему в США — и только в США — революция и последующий за ней республиканский эксперимент не закончились традиционным для Европы кровопролитием и распадом? Чтобы ответить на эти и другие вопросы пришлось покопаться в книгах. Простые вопросы естественным путем сменились более сложными: какова роль Конституции в стабильности страны, каковы взаимоотношения между ветвями власти, чем гарантируется та знаменитая американская свобода, которой завидуют нормальные люди во всем мире?

Попутно возник вопрос о роли евреев как в ранней истории США, так и в современной. Из-за необъятности последней темы я в основном ограничил себя рассмотрением роли нескольких евреев в Верховном суде страны.

Я попытался свести некоторые из найденных мной ответов в, может быть, несколько несвязанные главы, в которых обозначенные вопросы и заявленная в названии тема даны на общем фоне истории Соединенный Штатов. В то же время, эти заметки, как мне представляется, ни в коей мере не являются традиционной исторической работой, которая предполагает работу в архивах, поиски неизвестных источников, точные ссылки на каждое утверждение. Это, скорее, историческое эссе, результат моего собственного взгляда на историю, традиции и проблемы страны, или, еще вернее, на непрекращающуюся историю эволюции наших (американ-

ских) *идеалов и стремлений*. Поэтому в своей работе я достаточно часто не указываю прямые ссылки на использованные источники, впрочем, все они тщательно перечислены в конце книги. И, конечно, я старался не упускать случая заключать в кавычки прямые цитаты.

Замечание по транскрипции иностранных имен и географических понятий: в русскоязычной традиции нет окончательного, раз и навсегда установленного правила. Поэтому употребление слов Вирджиния вместо Виргиния, Брандайс вместо Брандейс или Брандэйс, Франкфуртер вместо Фрэнкфуртер, Гамильтон вместо Хамильтон и так далее остается на совести автора.

Глава первая

КОНСТИТУЦИЯ

«В Европе привилегии свободы всегда гарантировались властью. Америка показала пример... привилегии власти гарантируются свободой».

Джеймс Мэдисон

• 1 •

Революция сверху

В нашем европейском понимании революции случаются согласно классической фразе, когда «верхи не могут, а низы не хотят» жить по-старому.¹ Так вот, с низами в североамериканских английских колониях середины восемнадцатого века было все в порядке. Если не забивать голову статистикой и цитатами, то общее мнение экономистов, историков и литераторов сходится на том, что работающий белый колонист — все равно где работающий: в поле, на производстве, в море, в услужении более удачливым соседям — жил существенно лучше своего английского коллеги. А поскольку социальные пособия тогда не существовали и работали все, то американское общество, начиная с экономического низа до среднего класса включительно, по критериям своего времени просто процветало. Наверху было посложнее, но, впрочем, тоже весьма благополучно. Хотя по роскоши и богатству американские верхи не могли тягаться с соответствующими слоями английской аристократии, но, благодаря воистину безграничным в географическом смысле возможностям, плодородным землям, удачному климату, активной морской торговле, трудолюбивому и предприимчивому народу и открытому кредиту в английских банках слой зажиточных и, по местным понятиям, богатых людей отнюдь не скудел.

¹ Фраза из статьи Ленина «Крах II Интернационала», 1915 год

Иметь богатые, должным экономическим образом организованные колонии, было в интересах Англии. И, конечно, в большой степени это совпадало с интересами колоний.

Тем не менее, начиная с 1760-х, взаимоотношения достаточно быстро стали портиться.

Среди большого количества моральных, религиозных, социальных, политических и экономических причин конфликта (позже названного Американской революцией) между тринадцатью американскими колониями и Англией две причины — экономическая и связанная с нею моральная — были решающими.

Колонисты достаточно долго жили вполне вольготно, получая серьезные материальные преимущества от военной и торговой защиты материнской державы.

На основании Королевской Хартии от 1692 года колониям было дано право политического и экономического самоуправления: только законодательные собрания колоний имели право разрабатывать местные законы и учреждать налоги. В результате, в колониях образовалась серьезная, устойчивая (и разнообразная!) система самоуправления, практически независимая, хотя и противоречивая, судебная система, налаженное плантаторское хозяйство Юга, хорошо развитая торговля и быстро развивающаяся промышленность Севера. Между колониями и Англией существовали совершенно нормальные отношения, чему способствовал общий язык и в большой степени — общие история и культура. Но к началу 1760-х годов достаточно неожиданно для жителей колоний им пришлось почувствовать бремя экономических проблем, навалившихся на Британию.

После Семилетней войны (1756–1763), которую Черчилль назвал первой мировой войной в истории, казна страны-победительницы значительно опустела, долги выросли вдвое — войны всегда были дорогим удовольствием. Англичане, вполне логично, посчитали, что поскольку от победы больше всего выиграли именно американцы,² получившие мир с воинственными индейскими племенами Среднего Запада и свободные морские пути, то почему бы колониям не оплачивать хотя бы часть расходов стоящей на Американском континенте десятитысячной Британской армии.

² На территории Северной Америки маленькая часть большой войны называлась Франко-Индийской войной. Именно на этой войне отличился сражавшийся на стороне англичан 28-летний Джордж Вашингтон, будущий командующий Континентальной армии и первый Президент США.

Эта совершенно очевидная и, как казалось англичанам, справедливая мысль вылилась в печально знаменитый *Stamp Act* (Закон о гербовом сборе) 1765 года, решение английского Парламента *впервые* обложить колонии — только американские — специальным *прямым* налогом.

В этой связи надо вспомнить, что такое решение было в русле времени: после победы Англии над Францией и Испанией на волне эйфории и растущего национализма резко ухудшилось отношение Англии, как государства, и англичан, как народа, к своим дальним и ближним колониям — прежде всего, к Шотландии и Америке. Лорд Галифакс, бывший заместитель министра иностранных дел (в наших терминах), ответственный за колонии, в 1763 выступая в Парламенте заявил прямо: «Английский народ рассматривает американцев хотя и подданными Его Величества, но иностранцами».

Одна из возможных причин такого резкого изменения отношения к *американским* колониям заключалась в том, что тот же 1763 год был отмечен первым «общеамериканским» политическим конфликтом с Англией. По Парижскому мирному договору (1763 год) Англия установила западную границу возможного (и *допустимого*) расширения колоний. Англичане гораздо больше беспокоились о мире с индейскими племенами чем сами колонисты: для англичан главным был постоянный приток доходов из колоний. Любые военные конфликты только препятствовали этому. Но для растущего по численности населения колоний главным была возможность экспансии на новые западные земли. Ради этого они были согласны на риск постоянных вооруженных стычек с индейцами. В результате получился замкнутый круг взаимных претензий: колонисты непрерывно нарушали договоренность, индейцы, недовольные отсутствием обещанного мира, начали нападать на английские форты, англичанам не оставалось ничего другого, как увеличивать количество солдат на западной границе, платить за это они обязали колонистов, которые, в свою очередь, чувствовали себя вдвойне обиженными.

Кстати, знаменитое американское стремление «на Запад» возникло совсем не как чья-либо прихоть или желание насолить англичанам. Просто в американских колониях восемнадцатого века произошел демографический взрыв, совершенно не учтенный или даже не замеченный Англией. Население американских колоний в 1750 году достигло миллиона человек, в то время как населе-

ние всех остальных английских колоний в Новом свете, включая Канаду, было меньше 160 тысяч. Причиной взрыва была высокая рождаемость в хорошо устоявшихся моральных и трудолюбивых семьях. И, конечно, высококалорийное обильное питание. «Свиней в Америке кормят лучше, чем аристократов Гайд-парка в Англии», — писала путешественница в середине восемнадцатого века англичанка. Неудивительно, что уже к тому времени Америка была страной среднего класса.

Конечно, ничто не возникает на пустом месте и отношения начали ухудшаться несколько раньше. Это было связано в основном с ростом экономической независимости колоний и с тем, что в некоторых важных областях колонии стали напрямую конкурировать с Англией. Англия, в общем, реагировала на экономические проблемы типичным для империи силовым путем. Желая вывозить из колоний только сельскохозяйственную продукцию и защищая свою собственную промышленность, Англия последовательно ограничивала производство товаров в колониях и особенно международную торговлю ими. Сначала последовал запрет на торговлю шерстью, потом — одеждой. В 1750 — на торговлю изделиями из металла. Но более серьезными проблемами, с точки зрения Англии, были кораблестроение и контрабанда. Главная морская держава мира, естественно, строила свой флот сама и предпочитала снабжать кораблями и колонии. Однако невероятная дешевизна древесины в колониях, умноженная на умение и предприимчивость местных умельцев, привели к тому, что торговый корабль средней тоннажности стоил в Америке от *полутора до двух раз* меньше, чем в Англии, и уже с середины восемнадцатого века английские купцы и мореплаватели предпочитали развивать свой флот за счет кораблей, построенных в Америке.³ В 1760-х американцы продавали в Англию от 300 до 400 кораблей в год, в основном мелкой и средней тоннажности. Второй причиной головной боли для Англии была все растущая контрабанда товаров из Вест-Индии и связанное с этим реальное уменьшение таможенных сборов в колониях.⁴

В 1760 году английский Парламент принял «Закон о Содействии» — об обязанности жителей колоний помогать в поисках (и наказании) контрабандистов. Уже в следующем году Закон был

³ Таким образом был накоплен важный опыт, что позволило после революции сравнительно быстро построить военный флот.

⁴ Что привело к внесудебной конфискации кораблей «контрабандистов» и подозреваемых товаров. Это, в свою очередь, было воспринято колонистами как грубое нарушение закона.

официально оспорен в Массачусетском законодательном собрании. Адвокат Джеймс Отис, противник закона, стал первым после Франклина известным общеамериканским политическим лидером, а будущий президент Джон Адамс в свое время скажет, что «именно здесь родилось американское дитя по имени Независимость».

Как я уже упоминал, в феврале 1763 года Парижским мирным договором была закончена Франко-Индийская война. В скором будущем довольно неожиданно выяснилось, что последствия мирного договора оказались большим геополитическим подспорьем колонистов: с континента была убрана постоянная и единственная реальная политическая и военная внешняя угроза — Франция.⁵

С этой даты, по словам известного историка Фрэнсиса Паркмана, «началась собственно история Соединенных Штатов».

Следующие несколько лет остались в памяти колоний агрессивной и недружественной политикой нового Премьер-министра Англии Джорджа Гренвиля. С 1763 года последовала серия законов, которые резко ужесточили тарифы. Самым печально знаменитым среди них был «Сахарный закон» 1764 года. Затем последовал «Закон о Валюте», который запрещал принимать в уплату американские банкноты: Массачусетс печатал свою валюту — доллары (от голландских талеров) — с 1691 года. И наконец, в 1765 году был принят *Stamp Act*.

Может быть, последствия *Stamp Act* закончились бы очередным более-менее мелким недовольством и каким-либо разумным компромиссом, если бы это решение было принято более «человеческим» путем, не затронуло моральные представления жителей колоний и если бы в нем не было весьма подозрительной религиозной составляющей: только сделки официальной Англиканской церкви были освобождены от налога.⁶ Англичане же не считали необходимым что-то объяснять или, не приведя Господь, советовать с колониями.

Жители колоний, не имевшие представителей в английском Парламенте, вполне обосновано предположили, что такой способ

⁵ Оставшаяся французской Луизиана и испанские колонии на юге были настолько слабы, что сами молились, чтобы о них забыли.

⁶ Англиканская церковь была непопулярна и мало распространена в колониях. Хотя формально американский протестантизм (в различных конфессиях) был ее частью в XVII веке, но к XVIII веку окончательно вышел из нее как независимое диссидентское движение. Американский континент не имел на своей территории ни одного английского епископа.

«*taxation without representations*» (налогообложение без представительства в законодательном собрании, учреждающем налоги) может в дальнейшем стать нормой, и как сказал Сэм Адамс в Массачусетском законодательном собрании: «Если наши сделки могут быть обложены налогом, то почему не наши земли, почему не все то, что мы производим..?». Но еще больше им не понравился сам факт английского диктата — тут мы уже касаемся морального фактора — посягательства на то, что многие считали священным: естественные права человека, прежде всего — личную свободу и право частной собственности. Что, как я понимаю, первоначально пришло на американскую землю от тех же самых англичан, больше не от кого. Но именно в это революционное время — и это очень важно — «англо-саксонское» чувство собственного достоинства колонистов было усилено результатами гигантского внутреннего, чисто американского морально-религиозного движением «Великое Пробуждение» (*Great Awakening*),⁷ которое было характерно обновлением традиционного протестантизма, уходом от многих формальных религиозных ритуалов в сторону гораздо более персонального духовного религиозного опыта, попыткой освободиться от чрезмерного «страха греха» и принять ценность получения удовольствия от жизни, радости общения, удовлетворения от обладания личной свободой и гораздо более активной общественной жизни. Новый бог «Великого Пробуждения», священник Джонотан Эдвардс дал важный посыл политической свободы своим известным высказыванием: «Люди свободны, когда они действуют согласно своему пониманию своей собственной пользы».

В спускаемых сверху без всякого обсуждения налогах при всем желании было трудно найти «собственную пользу». «*Taxation without representations* является тиранией», — сказал известный нам Джеймс Отис из Массачусетса и этой фразой вошел в историю. (Вторая великая фраза предреволюционного времени — «Дайте мне свободу или дайте мне смерть», принадлежит вирджинцу Патрику Генри). С огромным опозданием, ровно через десять лет, Сэмюэль Джонсон, великий английский писатель, философ и публицист, по просьбе нового Премьер-министра лорда Фредерика Норта написал ответ, известный — в Англии — памфлет «*Taxation no Tyranny* (*Налогообложение не является тиранией*). *Ответ на прокламации и решения американского Конгресса*». Но время было упущено: в 1775 году ситуация в колониях окончательно вышла

⁷ Вернее, Первое Великое Пробуждение. Второе наступит в начале XIX века.

из под английского контроля и мнение английского «начальника» уже мало кого интересовало.

Недовольство 1765 года со временем вылилось в неподчинение, англичане при этом не отличались особым благоразумием, больше полагаясь на силу. Горячие головы на американской стороне совсем закружились после выстрелов в Бостоне⁸ и, особенно, после памфлета «Здравый смысл» Томаса Пейна (10 января 1776).

«Оружие как последнее средство решает сейчас спор. На него пал выбор короля, и [американский] континент принял этот вызов».

◀ 2 ▶

«Дух 1776-го»

Начавшаяся в апреле 1775 года война (сначала, как достаточно случайный локальный бостонский конфликт) и политическая борьба против Великобритании были в некотором смысле реакционными. Дело в том, что первоначально целью сопротивления было вернуться назад, в конец 1750-х, время «мира и дружбы» и добиться всех прав британский подданных, прежде всего — представительства в Парламенте, либо, если не получится, то возвращения права определять фискальную политику местным законодателям. Англия запросто могла не допустить войну — умные головы в обеих палатах Парламента требовали немедленно дать задний ход, что и было предпринято, но слишком поздно. Потом Англия могла легко выиграть войну, но и тут удача, судьба (и очень важная французская помощь⁹) были на американской стороне: у всякой войны есть своя логика и свои непредвиденные последствия.

Декларация независимости, принятая в 1776 году, и победа в тяжелейшей войне (мирный договор с Англией был подписан только в 1783 году — через восемь лет после начала войны¹⁰) со-

⁸ 19 апреля 1775 года в бостонском пригороде Конкорде английский отряд попал в засаду патриотов (так вначале называли американских революционеров), были погибшие и раненные с английской стороны.

⁹ Деньгами, политической поддержкой и оружием. Практически весь порох был французским. Во второй половине войны очень важной была помощь французского флота. Кроме Франции колонистам помогали Испания и Нидерланды, причем испанская помощь была существенной: испанский флот не позволил англичанам поддержать свои войска на юге, в районе Флориды.

¹⁰ Хотя два последних года серьезных военных действий не было.

здали новую ситуацию, к серьезному рассмотрению которой мало кто был готов. Фактически, за исключением нескольких человек (Гамильтон, Р. Моррис, Франклин), никто во время войны не думал о форме новой государственности. Так не могло продолжаться долго, реакционная — со взглядом в прошлое — часть революции закончилась совсем неожиданным результатом и пришло время посмотреть в будущее.

Как ни странно, самым распространенным было мнение о том, что делать ничего не надо.

«Патриоты по инерции твердили, что «дух 1776-го» вызвал к жизни новую нацию» — и этого было достаточно. Наступило странное время безвластия и, одновременно, многовластия. Отдельные штаты, и до того с большим подозрением относящиеся к соседям, все более агрессивно начали проводить независимую, обычно дискриминационную торговую политику. Никто не знал, что делать с огромными долгами как отдельных штатов, так и взятых от имени Континентального конгресса *Конфедерации американских штатов* (именно так, строчными буквами). Резко падающий доллар стал причиной быстро растущей инфляции, что привело к возникновению невиданной до того спекуляции. Дошло до того, что отдельные штаты не только проводили независимую внутреннюю политику, но пытались делать то же самое в отношении *внешней* политики и обороны. Например, стали создавать свой военный флот. Страна быстро погружалась в хаос, за которым внимательно наблюдали достаточно серьезные английские военные силы в районе Великих озер, которые — естественно, с подачи Парламента — «забыли» выполнить условия мирного договора и покинуть территорию Америки.

Подписи «отцов-основателей» под Декларацией о независимости.

Общеамериканская, если так можно сказать, деятельность тринадцати бывших колоний в то время регулировалась очень слабыми положениями формально первой конституции Союза *The Articles of Confederation*, ратифицированной в 1781 году. Эта общность «дружественных» штатов чем-то напоминала современное Европейское Сообщество, только была еще хуже и много слабее. Те же посылаемые на год делегации от штатов, имеющие один голос, то же право вето у любого штата, те же «рекомендации», за соблюдением выполнения которых никто не отвечал, те же попытки экономического и политического выдавливания большими штатами меньших. Как это ни покажется невероятным, *Континентальный конгресс*, единственный как бы общеамериканский законодательный орган новых независимых штатов-государств, не только не проводил национальную фискальную политику, но и вообще не собирал какие-либо налоги. Деньги на «общие дела» у штатов *выпрашивали* и, конечно, повязшие в долгах штаты просто пропускали такие просьбы мимо ушей. Джон Адамс писал, что «Континентальный конгресс [в 1780-х] является не законодательным собранием, не совещательным, а только дипломатическим».

Беззубость Континентального конгресса можно проиллюстрировать одним примером, который, правда, относится ко времени Войны за независимость, но хорошо характеризует его работу и после войны.

Армии Вашингтона, как любой воюющей армии, нужно было постоянное, поставленное на регулярную основу снабжение. Или по-другому, постоянно нужны были деньги для закупки вооружения, лошадей, фуража, выплаты зарплаты солдатам и офицерам, оплаты за занимаемые дома во время зимних стоянок и на мириады других реальных нужд.

Тем не менее, Континентальная армия за все восемь лет тяжелой войны ощущала реальную денежную поддержку законодателей Континентального конгресса достаточно редко. Архивы хранят многочисленные письма-просьбы-требования Вашингтона к Конгрессу, большинство из которых оставались без ответа. Поразительно, но личные добровольные пожертвования состоятельных граждан, как американцев, так и французов,¹¹ существенно превышали денежные поступления отдельных штатов. Рекордсменом по

¹¹ Великий французский драматург Бомарше сыграл выдающуюся роль в сборе денег во Франции для американской революции.

денежной поддержке «правого дела», скорее всего, был пенсильванец Роберт Моррис — «финансист революции» (именно его торговым агентом был знаменитый Хаим Соломон¹²), бывший последовательно членом законодательного собрания Пенсильвании, делегатом Континентального конгресса, руководителем важнейших департаментов в нем, наконец — министром финансов. Он начал с того, что передал 10 тысяч британских фунтов стерлингов своих собственных денег в поддержку армии в самые первые дни после ее основания. Его корабли (он был крупнейшим судовладельцем в Америке) перевозили необходимые для армии товары за счет владельца. Всего за годы войны он потерял около 150 кораблей, никогда не потребовав от Конгресса возмещения убытков. Его персональная «доля» в поддержке армии Вашингтона в одном только 1783 году составила около миллиона четырехсот тысяч как личных денег, так и взятых в кредит под его честное слово и его собственность. Доля штата Нью-Гемпшир за этот же год составила три тысячи, выплаченных говядиной. Все штаты вместе в тот год смогли собрать только восемьсот тысяч. Не удивительно, что финансовые издержки такого уровня (вместе с неудачными послевоенными спекуляциями землей) подорвали состояние Роберта Морриса. Удивительно, особенно для непонимающих особенности Соединенных Штатов, что разорившись и объявив себя банкротом, он был арестован и провел три с лишним года в долговой тюрьме.

Кстати, поддержка революционной борьбы населением тоже не отличалась особой щедростью.

Население во время войны, как это ни покажется странным, предпочитало продавать продовольствие английской армии, которая за все платила реальными деньгами, а не «бумажками», как армия Вашингтона.¹³

К 1787 году ситуация обострилась массовым недовольством различных слоев населения, частыми народными возмущениями и одним реальным мятежом бывших солдат Континентальной армии в Массачусетсе.

В общем и целом, ситуация к 1787 году сложилась аховая.

¹² Роль Хаима Соломона оказалась чрезвычайно важной в конце Войны за независимость, когда казна Континентального конгресса и Армии оказались совершенно пусты. Соломон придумал схему обращения французских *обещаний* денежных займов в реальные деньги. Сегодня в центре Чикаго стоит известный памятник Вашингтону, Моррису и Соломону.

¹³ С этими бумажками-обещаниями потом случилась весьма неприятная история, очень похожая на приватизацию ваучеров в ранние Ельцинские времена.

Поиски выхода

*«Законы для того и даны, чтобы
урезать власть сильнейшего».*

Овидий

В этих условиях совсем небольшая группа людей в середине 1780-х осознала невозможность сохранить с таким трудом завоеванную независимость и невозможность освоить практически неограниченные богатства гигантской территории без объединения усилий отдельных штатов.

Конституция 1787 года создавалась сразу после напугавшего всех вооруженного мятежа Даниэля Шейса в штате Массачусетс, во время фактического распада Конфедерации (последний год Конгресс очень редко собирал кворум) и непризнания ее ни одной европейской страной (на предложение прислать посла, Британский министр иностранных дел с издевкой заявил, что в этом случае надо присылать тринадцать послов), невозможности провести через Конгресс ни одно значительное экономическое, финансовое или политическое решение, в ситуации полного финансового фиаско.

Конституция создавалась в условиях жесткой, временами — жестокой, борьбы между двумя основными зарождающимися партиями, очень небольшими по количеству людей с ними ассоциирующимися. Только одна из них к тому времени имела название. Это была партия федералистов (официально, однако, учрежденная только в 1794 году): партия Гамильтона, а также Франклина, Джона Адамса, Джона Джея, Роберта Морриса и с течением времени все в большей степени — Вашингтона. В 1786–89 она была значительно, может быть — решающе, усилена «примкнувшим» к ней на несколько лет Мэдисоном. Их противников — партию Джефферсона, Патрика Генри, Монро, Сэма Адамса, Ричарда Ли, Мэйсона, Клинтона, которую сегодня называют Демократической (а во времена президентства Джефферсона называли Республиканской), тогда называли просто «антифедералистами». Сам Джефферсон, существенно влияя на мнение своих сторонников, возможно к сча-

стью, не мог ими оперативно руководить: он был в это время американским послом во Франции.¹⁴

Из названия ясно, что федералисты были за сильное федеральное национальное правительство, в частности за действенные общеамериканские институты в обороне, финансах, взаимоотношениях с индейцами, развитии территорий и международной политике. Таким образом, все прерогативы национальных — американских — интересов, по мысли федералистов, должны быть сосредоточены в сильной законодательной и исполнительной надштатной власти. Проблема заключалась в том, что в большинстве своем остальные политические деятели — особенно в южных штатах, не видели будущего Америки, как Америки. Они по-прежнему предпочитали интересы своих собственных штатов, видели в них уютные микросоциумы, не желали делить ответственность с соседями и часто откровенно их недолюбливали. «Нью-йоркцы называли жителей Массачусетса «готами и вандалами», южане ненавидели уроженцев Новой Англии, «снискавших дурную репутацию как торговцы и религиозные ханжи», — писал один из современников. После войны обострились даже религиозные разногласия, особенно по отношению к квакерам, «борцам за мир», не желавшим участвовать в вооруженном конфликте,¹⁵ но не забывающим зарабатывать на нем. «Они молятся за воюющих день в неделю, а остальные дни их обирают», — писала одна из газет.

Кроме того, сама идея создания национальной армии, государственного банка (полная анафема для сторонников Джефферсона), общеамериканской фискальной системы и сильного президента, по мнению антифедералистов, разделяемому большинством населения штатов, в *корне* противоречила «духу 1776 года». Разве не против всего этого боролись тринадцать колоний в Войне за независимость всего *несколько лет* назад? Разве все эти институты не ассоциировались с Британской колониальной системой? Совсем неглупые «американцы» прекрасно понимали, что власть развращает, и в результате замены британских «угнетателей» на родных американских страна, вполне вероятно, может вернуться к старым временам, хотя и в новой красивой национальной упаковке.

¹⁴ Отсутствие Джефферсона, сильного, влиятельного и авторитарного политика, позволило выровнять влияние партий, что отразилось на более сбалансированном подходе к тексту Конституции.

¹⁵ Квакеры, как религиозная община, умудрились во время Войны за независимость сохранять нейтралитет. Конечно, среди индивидуальных членов конфессии было достаточно исключений.

В этой обстановке законодатели Континентального конгресса (Конгресса конфедераций — по альтернативному названию с 1781 года) решили в мае 1787 года провести специальную — *конституционную* — конвенцию в Филадельфии.

Конгресс конфедераций дал полномочия делегатам Конституционной конвенции на улучшение *Articles of Confederation* — и только. Но некоторые из участников, не афишируя свои планы заранее, были готовы пойти гораздо дальше. В самые первые дни Конвенции два делегата от Вирджинии — Вашингтон и Мэдисон, два делегата от Пенсильвании — Джеймс Вильсон и Губернер Моррис (с подачи Роберта Морриса)¹⁶ и делегат от Нью-Йорка — Александр Гамильтон, понимая невозможность починить непочиняемое, предложили участникам Конвенции забыть о рекомендациях Конгресса и сделать все возможное, чтобы создать совершенно новую форму национального *союзного* государства.

Главный вопрос перед делегатами, как его позже сформулировал Гамильтон в «Федералист 1», звучал так: «...способны ли сообщества людей в результате раздумий и по собственному выбору действительно учреждать хорошее правление или они навсегда обречены волей случая или насилия получать свои политические конституции?»

Или, по-другому, способны ли люди *сами* управлять собой? Ответ на этот вопрос даже сейчас не кажется очевидным.¹⁷

Среди участников Конституционной конвенции 1787 года были представители федералистов и антифедералистов, промышленного Севера и аграрного Юга (соответственно, класса торговцев-финансистов-капиталистов и фермеров-плантаторов), сторонники сохранения рабства и его непримиримые враги, больших по населению штатов и самых мелких. Для сохранения максимальной искренности во время дебатов (разрушительная для репутации сила средств массовой информации была уже хорошо известна) по специальному решению Конгресса все заседания происходили в условиях абсолютной секретности, в прессу не просочилось ничего; сегодня мы знаем, что в эти дни происходило в Филадельфии только благодаря журналу-протоколу, который тщательно вел Мэдисон.

¹⁶ Губернер Моррис и Роберт Моррис не были родственниками.

¹⁷ Ответ на этот «простой» вопрос даже в условиях развитой демократии США весьма противоречив. Недавний случай банкротства города Детройт показал это еще раз.

Теоретический вопрос, поставленный Гамильтоном, задел делегатов за живое.

В непрерывных дебатах, как в зале Независимости пенсильванского State House, так и кулуарах, тавернах, домах делегатов, живущих в Филадельфии, прошло четыре месяца. Результат честных дискуссий, подобно военным сражениям, часто оказывается непредвиденным, поэтому 17 сентября, ко времени подписания Конституции, большинство участников Конвенции достаточно неожиданно для себя обнаружили, что итоговый документ имеет очень мало общего с их первоначальными планами.

Каждая группа на Конвенции отстаивала свои интересы, но были две главные темы, вокруг которых шла основная борьба.

Первым, самым главным, был вопрос сохранения личной свободы (для белого человека, конечно): ограничение тирании большинства и возможности узурпации власти меньшинством и, *прежде всего*, ограничение власти государства (*принцип «ограничения власти»*). Конституция и первые десять Поправок — Билль о правах — приняты через три года после ратификации Конституции *относительно* эффективно, во всяком случае, на следующие двести с лишним лет решили вопрос об ограничении власти государства в области свободы личности и прав человека, в том числе — права частной собственности. Кстати, Билль о правах, идея которого совершенно очевидно была заимствована из Магна Карты (Великой хартии вольности, 1215 год) и английского Билля о правах 1689 года, который традиционно считается органичной частью Конституции, был принят только благодаря давлению антифедералистов, скажем им за это спасибо. Несколько последующих Поправок, принятых в XIX веке (особенно Четырнадцатая), исправили первоначальную недоработку в отношении возможного ограничения прав человека отдельными штатами.

Второй по важности вопрос — о разделении власти между федеральным правительством и штатами: взаимоотношение прав и обязанностей штатов и государства — особенно в вопросах суверенитета штатов, регулирования межштатной торговли и защиты (именно защиты, а не права) частной собственности — оказался слишком сложным для того, чтобы решить его раз и навсегда. Не решен он и сегодня. Значительная часть дел, рассматриваемых Верховным судом США на протяжении всего его существования, как раз и относится к разъяснению споров в этом вопросе.

Как стало очевидно сразу после завоевания Независимости, семена раздора, посеянные между различными по экономическому,

социальному и даже ментальному состоянию штатами, дали быстрые всходы, и непростой задачей делегатов было создать политическую систему, не позволяющую задуть ростки нового союза. Между тем, после тщательных размышлений и дискуссий делегаты выбрали самую, пожалуй, уязвимую форму государственности. Создание демократической федеральной системы власти (*принцип «федерализма»*) в ее республиканской форме, наверно, надо отнести к самому трудному теоретическому и практическому принципу организации государства. В любом государстве во все времена хватает сил — националистических, религиозных, социальных, стремящихся разорвать его на части. Федерализм и народная демократия (к счастью, после дебатов ограниченная республиканской формой) автоматически усиливают центробежные силы распада, придают им как бы конституционную законность.¹⁸

Ни одна из группировок не добилась всего желаемого и, как писал после один из делегатов: «Конвенция фактически создала частично национальное, частично федеральное государство». Кроме того, создание демократического суверенного государства в форме республики (*принцип «республиканизма»*), на такой огромной территории и с таким большим населением (по переписи 1790 года в стране проживало около 4 миллионов человек, из них примерно 700 тысяч рабов) до этого не удавалось никому, что было хорошо известно политическим лидерам того времени. Ретроспективно мы можем оценить подвиг «отцов-основателей» страны и создателей Конституции: никому и никогда до них, не считая миниатюрной республики Сан-Марино, мелких швейцарских кантонов и на протяжении большей части своей тысячелетней истории гораздо более автократической, олигархической (и мелкой) Венецианской республики, не удавалось удержать республиканскую форму правления более чем в нескольких поколениях.

В поисках баланса и усиления сил, которые должны были предохранить новую страну от распада, оставив по возможности больше свободы и независимости штатам, было сломано немало копий. Достаточно быстро было принято базовое предложение Джеймса Мэдисона — «отца американской Конституции», определяющее три основные взаимно балансирующие независимые ветви власти

¹⁸ Конечно, согласие на федеральную республику было еще одним компромиссом: штаты не только ощущали себя отдельными государствами, но хотели сохранить свою «отдельность» и в будущем. Одновременно, такая форма государственности ограничивает власть центра — федеральной власти. В усилении федеральной власти участники Конвенции видели главную угрозу Союзу.

(*принцип «разделения власти»*): законодательную, исполнительную и судебную. (Отметим в скобках, что, к сожалению, практически полная независимость законодательного Конгресса от исполнительной власти соблюдалась только в первые два президентства — Вашингтона и Д. Адамса. В дальнейшем, с возникновением реальных политических партий и усилением их роли, начиная с президентства Джефферсона, Конгресс оказывался только относительно независимым: более в случае, когда исполнительная власть и большинство в Конгрессе оказывались у разных партий и менее, когда у одной).

Как вскоре стало ясно, договориться по нескольким большим «философским» вопросам оказалось легче, чем по десяткам второстепенных.

« 4 »

«Дьявол в деталях»

Политическая философия Мэдисона, Гамильтона, Франклина и других ведущих делегатов Конвенции была основана на римском республиканском опыте, британской политической традиции и тщательном *переосмысливании* известных республиканских теорий, в первую очередь, рассуждений Монтескье, Джона Локка, возможно Томаса Гоббса (скорее, как замечают специалисты, в интерпретации Локка). Знаменитые слова Джефферсона из Декларации независимости — «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью», на самом деле явились замечательной литературной обработкой всем известного в то время определения *естественных* прав, данного Дж. Локком: «Жизнь, свобода и собственность», правда с важнейшим уточнением — только упоминание Творца делало эти права неотчуждаемыми. Слова «всем известного» надо понимать почти буквально: трактаты Локка и многочисленные политические памфлеты, объясняющие различные взгляды на политическое устройство государства, были домашним чтением любого грамотного американца, что без большого преувеличения означало — всех взрослых (белых) жителей колоний.¹⁹

¹⁹ Законы об обязательном школьном обучении всех мальчиков были приняты в штатах Новой Англии еще в 1630–50-х годах. Девочки, как правило, получали хорошее домашнее образование — читать и писать умели все.

Положение о взаимоограничивающих и контролирующих друг друга ветвях власти (*принцип «checks and balances»* — сдерживания и противовесов) было «постфактум» теоретически обосновано Мэдисоном в статье «Федералист 51», опубликованной в феврале 1788 года. Конституция, вместе с остальными статьями цикла «Федералист» — всего их было 85, и, прежде всего, основополагающей статьей «Федералист 10» (ноябрь 1787), создали «хребет», на котором выросло все последующее «мясо» американского законодательства.²⁰

Как всегда, дьявол был в деталях. Практические трудности заключались в согласовании требований многочисленных фракций, в том, чтобы хотя бы *частично* удовлетворить каждую. Стороны не доверяли друг другу, и все вместе боялись, что в реальной политической ситуации может произойти усиления одной из ветвей, вплоть до узурпирования власти. Перед участниками Конвенции были представлены два возможных плана. Первый из них, так называемый «*New Jersey Plan*», предполагавший пропорциональное численности населения представительство в палатах Конгресса, был достаточно быстро отвергнут решительным сопротивлением мелких штатов. В результате ожесточенных дебатов участники Конвенции существенно изменили и второй, так называемый «*Virginia Plan*», предложенный Мэдисоном, очень его этим обидев. (Принятую Конституцию Мэдисон считал своим поражением). Несколькими годами раньше Мэдисон придумал этот план для новой конституции штата Вирджиния, но и там не смог убедить законодателей штата. Нам этот план интересен тем, что первоначально над тремя ныне традиционными ветвями власти Мэдисон поставил еще одну: некий странный исполнительно-юридический орган (например, по одному из предложений Мэдисона, состоящий из Президента и трех верховных юристов-жрецов), который *обязан* был проверять все законы штатов на соответствие общеамериканской Конституции и иметь право вето на все законы *отдельных* штатов. В этом было что-то похожее, как справедливо указали другие участники, на политическую традицию в Британской монархии и роль монарха.

Как мы позже увидим, решительно отвергнутая в Филадельфии идея, со временем смогла странным образом утвердить себя в по-

²⁰ Все статьи Федералист на русском языке можно найти по адресу: http://grachev62.narod.ru/Fed/Fed_ogl.htm

литической жизни страны, незаметно проникнув, конечно, в измененном виде, в практическую деятельность Верховного суда.

Долгое время участники Конвенции не могли сговориться о численном и качественном представительстве штатов в палате Представителей и в Сенате (Под словом «Конгресс» в чисто конституционном смысле понимают палату Представителей и Сенат — вместе: так называемый двухпалатный конгресс. В то же время, когда слово «Конгресс» употребляют в разговоре или в средствах массовой информации, обычно имеют в виду только палату Представителей. В этом есть всем известное противоречие, о котором не надо забывать). Роджер Шерман, представитель штата Коннектикут, предложил интересный компромисс, позже названный «Великим компромиссом»: пусть Конгресс (то есть, палату Представителей) пропорционально представляет население штатов (народ), Сенат — представляет штаты — по два делегата от каждого, уравняв штаты таким образом, а Президента выбирает специальная комиссия выборщиков, представляющая одновременно и народ и законодателей. Многим такая идея понравилась, но оставались сомневающиеся. Штаты были слишком неравны по количеству населения, политическому влиянию и особенно по экономическим возможностям: все боялись усиления Вирджинии, в то время по существу государства в государстве. Вашингтон, Мэдисон, Джефферсон, Мэйсон, Монро, П. Генри, Ричард Ли, и еще десяток самых известных политиков того времени были из Вирджинии, по населению она была ровно в два раза больше Массачусетса, следующего по величине штата.

Проблема неравенства штатов была очень болезненной для мелких штатов, но оставался один — самый главный нерешенный вопрос, который был в одинаковой степени сверхважным для всех штатов.

« 5 »

Гений Мэдисона

Это был вопрос суверенитета.

Где географически будет находиться суверенитет, скажем, некоего типичного штата — в законодательном собрании штата или в законодательном собрании федерации? Как практически преодолеть возможные разногласия, когда в одно и то же время в разных городах, разными законодательными собраниями будут прини-

Джеймс Мэдисон

маться законы, касающиеся одного и того же человека? «Суверенитет, как мы знаем из истории и опыта, нельзя разделить», — писал Д. Адамс в «Защите конституций Соединенных штатов» (обратите внимание на множественное число — серия статей-книг была написана до принятия Конституции 1787 года). Очень многие были согласны с ним и с тем, что высший законодательный авторитет должен находиться *или* в национальном *или* в штатном правительстве. Об этом же говорил неудачный опыт англичан 1760–70-х

годов, когда они попытались разделить суверенитет между местными законодателями и английским Парламентом (похоже была организована и судебная система: некоторые дела решались в штатах, другие — в Лондоне. Логика разделения судебной системы была маловразумительной и часто приводила к недовольству по обе стороны океана. Например, английских солдат за убийство пяти человек во время беспорядков в Бостоне должны были судить военным английским судом, но после массового протеста граждан Бостона судили массачусетским народным судом и, кстати, оправдали. Английских солдат защищал Джон Адамс).

И тогда Джеймс Мэдисон нашел гениальный, совершенно уникальный ответ. Хорошо, сказал он, если все боятся усиления одной из ветвей власти и главенства некоторых штатов, если возникли законные сомнения по важнейшему вопросу о суверенитете, то давайте запишем в нашей конституции, что ни одна из ветвей и ни один из штатов никогда, *ни при каких условиях* не будут обладать решающей властью. Давайте раз и навсегда передадим *всю* власть, *весь* суверенитет *четвертой* ветви — американскому народу в целом. Собственно, с этого и начинается Препамбула Конституции: «*We, The People of the United States (Мы, народ Соединенных Штатов)...*» Это был настоящий прорыв. До этого предложения все усилия делегатов Конвенции были достаточно традиционно направлены на создание сбалансированного государства, обсуждались детали, сложные сами по себе, кто и каким образом будет удерживать баланс весов, на одной чашке которых сосредоточены интересы племса (Конгресс), а на другой — относительной аристократии (Сенат). В этом случае, весьма схожем, например, с британ-

ской системой, роль исполнительной власти становилась похожей на роль монарха, а Американская республика — на «монархическую республику» с ее принципом «один, некоторые (избранные), все остальные».

Предложение Мэдисона радикально уходило от этой модели. Возложив весь суверенитет на американский народ, он, естественно, забрал какой бы то ни было суверенитет у штатных и федерального правительств. Такое положение не значило, что хотя бы временно — после выборов на некоторое количество лет до следующих выборов (как в Англии) — народ передает всю власть правительству федерации, губернаторам штатов или законодателям. Нет, это значило, что суверенитет, высшее *неделимое* право принимать законы всегда остается с народом, как целым. Никакой законодательный или исполнительный орган власти не может отныне сказать, что он является полным представителем народа. Национальное правительство и тем же народом выбранные губернаторы, законодатели штатов и национальных собраний (Конгресс, Сенат) и сам президент, остаются временными служащими, *ограниченными* в правах и возможностях и полностью зависимыми от народа (как говорили в то время — «агентами» народа).

Новое положение автоматически поставило страну на следующую, «отцы-основатели» надеялись — на высшую ступеньку, в теоретическом споре о форме государства, эффективно отменив веками существующую теорию сбалансированного государства (правительства), в котором монархия, аристократия и демократия (народ) боролись за власть друг с другом. Сбалансированная, а значит, с элементами монархизма демократия отныне отменялась, власть становилась агентом настоящей представительной демократии. Сенат почти автоматически лишился своего аристократического статуса: избирательная компания оказывалась единственным критерием избираемости, ставила будущих конгрессменов и сенаторов на уровень «улицы», делала их по-настоящему только временно назначаемыми на сложную, и как тогда считали — неблагодарную работу.

Конечно, в то время далеко не всё в предложении Мэдисона было ясно даже самым «передовым» делегатам и, наверно, ему самому. Но идея была настолько революционной, настолько красивой и настолько допускающей различные толкования, что в результате ее приняли.

Хотя до сих пор не прекращаются жестокие споры об ее смысле и особенно об ее практическом развитии с течением времени.

«Мы, народ Соединенных Штатов...»

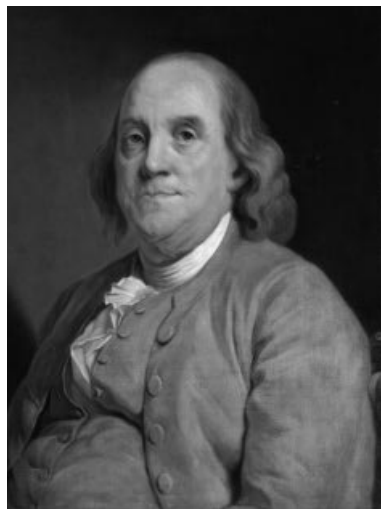
Самым неожиданным и непонятным для «американцев» того времени было само словосочетание «народ Соединенных Штатов». Во-первых, никакого общего «народа» не существовало и в помине. «Идея самой Конституции состояла в том числе в том, чтобы создать фундамент и определить рамки для возникновения такого народа», — пишет историк Джозеф Эллис. Люди отождествляли себя со своим штатом, и только. «Моя родина — Вирджиния», сказал никто другой, как Джефферсон. Или, в качестве другого примера, все статьи из серии «Федералист» писались как обращение «к народу штата Нью-Йорк». Во-вторых, синоним «американский» употреблялся только англичанами и в основном как негативно-уничижительный, подчеркивающий провинциальность и второсортность обитателей колоний — в том числе и неполноценность в обладании гражданских прав. Война за независимость, напомним, началась в 1775 году как борьба за обладание полными гражданскими правами *британских* подданных.

Как мы видим, создатели американской Конституции не только противоречили слишком многому из того, что было целью совсем недавней политической схватки, но очень часто противоречили самим себе десятилетней давности. После ожесточенной борьбы противостоящих сил и *многочисленных* компромиссов получился документ, позволяющий множественную интерпретацию буквально каждой строчки. (Я указал только на некоторые компромиссы, но в общей сложности их было несколько десятков. Многие считают самым важным компромисс об исключении вопроса о рабстве из повестки дня делегатов Конвенции и *последующих* законодателей на одно поколение — на двадцать лет ²¹).

Процесс ратификации занял девять месяцев, в течение которых впервые стало очевидным, что разные люди и разные штаты Конституцию понимают по-разному. Первым подтверждением этого были результаты голосования. Если в Нью-Джерси все 38 законо-

²¹ Попытки части делегатов, в основном Новой Англии, договориться о запрете рабства, натолкнулось на жесткое сопротивление южан. Компромисс был вынужденной мерой. Альтернативой был разезд делегатов Конвенции без принятия Конституции. Предполагалось, что после достигнутой договоренности о запрете ввоза новых рабов, через 20 лет рабство умрет естественной смертью.

дателей проголосовали «за», то, к примеру, в Нью-Гемпшире результат был 57–47, в Род Айленде, *отказавшемся* участвовать в Конвенции, 34–32. Очень важным оказалось обсуждение Конституции в Массачусетсе. Джон Хэнкок, один из политических лидеров поколения, предложил девять существенных поправок, которые через три года в том или ином виде стали частью Билля о правах. Одна из поправок Хэнкока, будущая Десятая, сформулировала важнейший, фундаментальный конституционный принцип: «Всё, что не оговорено специально как юрисдикция федерального правительства, является прерогативой местной власти». Дебаты в Массачусетсе, закончились голосованием 187–168 в пользу Конституции.

Бенджамин Франклин

Все колонии ожидали решающего результата ратификации в Вирджинии, без Вирджинии Союз не имел смысла. Там сначала ратификацию дружно проваливали, ее противниками были такие великие фигуры в американской истории, как Патрик Генри, Джеймс Монро и Джордж Мэйсон. Дебаты в Вирджинии продолжались *без перерыва* 25 дней и только после отчаянных речей Мэдисона, Джона Маршалла и короткого, но необычно эмоционального для Вашингтона выступления — «... нет альтернативы между принятием [Конституции] и анархией... перед нами выбор: или Конституция или распад Союза» — удалось при голосовании добиться результата 89–79.

21 июня 1778 года, после положительного результата голосования в Нью-Гэмпшире, Конституция стала основным законом страны, но даже многие из участников Конвенции не верили в ее долговечность. Известно, что после завершения Конвенции некая женщина остановила выходящего из здания Бенджамина Франклина и спросила, какую форму государства делегаты выбрали для страны. «Республику, мадам. Если вы сможете ее сохранить», — ответил Франклин.

Сомнения

У неверия в долговременность республики были серьезные теоретические, практические и моральные основания.

Как я уже говорил, работы Монтескье были одним из теоретических оснований Конституции. Но сам Монтескье в «Духе законов» писал: «Для республики естественно иметь небольшую территорию, иначе она не может существовать долгое время». С ним были согласны многие. Джон Адамс в фундаментальной работе (первой из трех под этим названием) «Защита конституций Соединенных штатов» (1787) и Гамильтон в речи на Конвенции (9 июня 1787) высказали практически одинаковые мысли: из уроков истории следует, что необходимость единоначалия на огромной территории страны вполне возможно приведет к превращению центрального государства в монархию (Существует миф, что Гамильтон был совсем не против такого варианта). Патрик Генри, выступая на конвенции в Вирджинии против ратификации Конституции, говорил еще резче: «Одно правительство не может управлять на таком огромном пространстве без деспотии абсолютизма».

Кроме всего, что было близко и понятно всем, практические уроки американской Революции говорили о том же; было очевидно, что Конфедерация соединенных штатов оказалась недееспособной. И даже самая мощная и организованная страна в мире — Англия — и та не смогла организовать эффективное репрезентивное правительство на Американском континенте.

Но самыми глубокими были моральные сомнения: способны ли люди сами управлять собой?

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА (ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ):

1. Paul Johnson. «A History of American People».
2. Томас Пейн. «Здравый смысл».
3. Joseph Ellis. «Founding Brothers»*
4. Gordon Wood. «Revolutionary Characters. What Made the Founders Different».
5. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. (Включая интереснейшее вступление Н.Н. Яковлева «Послание в будущее»).
6. Daniel Boorstin. «The Americans. The National Experience».
7. Richard Beeman. «Plain, Honest Men: The Making of the American Constitution».
8. Хикмет А. Гаджи-заде. «Долгий путь демократии. Антология демократии и антидемократии».
9. Ron Chernow. «Alexander Hamilton».
10. Larry Schweikart, Michael Allen. «A Patriot's History of the United States».
11. Jacques Barzun. «From Dawn to Decadence. 500 years of Western Cultural Life».
12. Constitution of the United States of America.
<http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution.html>
13. Glenn Beck, Joshua Charles. «The Original Argument. The Federalist Case for the Constitution».
14. Gerry and Janet Souter. «Founding Father. The Shaping of America».
15. Paul Johnson. «A History of Jews».
16. Louis Brandeis. Wiki, Wikiquotes.
16. Felix Frankfurter. Wiki, Wikiquotes
17. Noah Feldman. Scorpions. «The Battles and Triumphs of FDR's Great Supreme Court Justices».
18. Damon Root. «Louis Brandeis' Partial Justice».
19. Linda Gutstein. «History of the Jews in America».
20. Arthur Schlesinger, Jr. «The Crisis of the Old Order. The Age of Roosevelt».
21. Oliver Wendel Holmes, Jr. Wiki

* Желаящим больше узнать о начальной истории США крайне рекомендую начать с этой книги,

22. Jeffrey Tobin. «The Nine. Inside Secret World of the Supreme Court».
23. Garrett Epps. «The Vanson Ruling and the Strange Nature of American Judicial Review».
24. Antonin Scalia. «Judicial Adherence to the Text of Our Basic Law».
25. Samuel Huntington. «Who are We?».
26. FDR. «Commonwealth Club Address. 23 September 1932. San Francisco».
27. Michael Feldberg. «Louis Brandeis and American Zionism».
28. Stephen Whitefield. «Exodus» — in Jewish Review of Books.
29. Walter Isaacson. «How Einstein Divided America's Jews» — in The Atlantic.
30. John K. Galbraith. The Great Crash, 1929.
31. Jessie E. Sampter. «Guide to Zionism».
32. Шмуэль Кац. «Земля раздора».
33. Leonard Baker. «Brandeis and Frankfurter. A Double Biography».
34. Ф. С. Фицджеральд. «Отзвуки века джаза».
35. Robert Shogan. «Prelude to Catastrophe. FDR Jews...».
36. Генри Робинсон Люс. «Американский век».
37. Ф. А. Найек. «The Road to Serfdom».
38. Герберт Гувер. «Американский индивидуализм».
39. Франклин Рузвельт. «Первая инаугурационная речь».
40. Александр Кустарев. «Капитализм в XXI веке...».
41. Михаил Ямпольский. «Картель и закон».
<http://www.novayagazeta.ru/arts/50771.html>
42. Margaret MacMillan. «Paris 1919».
43. J. E. Smith. «FDR».
44. Nail Ferguson. «The War of the World».
45. Gary Hartman et al. «Landmark Supreme Court Cases».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
<i>Глава первая</i>	
Конституция	14
<i>Глава вторая</i>	
ИДЕАЛИЗМ И РЕАЛИЗМ «ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ»: ДЖЕФФЕРСОН ПРОТИВ ГАМИЛЬТОНА	37
<i>Глава третья</i>	
Верховный суд	55
<i>Вставная глава</i>	
Евреи в ранней истории США	59
<i>Глава четвертая</i>	
Луис Брандайс	63
<i>Глава пятая</i>	
Американский вариант сионизма	119
<i>Глава шестая</i>	
Феликс	155
Заключение	309
<i>Использованная литература</i>	313

Игорь Юдович

Родился в 1951 году в бывшей Восточной Пруссии, закончил Ленинградский Политехнический институт, инженер-механик; работал в России и Белоруссии. С 1989 живет в Сан-Франциско, работает инженером в одной из крупнейших энергосистем Америки. Написал несколько десятков статей для американской русскоязычной прессы и русскоязычного интернета, в основном на исторические темы. Перевел на русский язык две книги, опубликованные на интернет-портале «Заметки по еврейской истории».

...Наконец-то появилась эта, я знаю, долго и с любовью вынашивавшаяся рукопись. Она не только полна информации, некоторые моменты которой удивят многих читателей, и не только написана увлекательно, но является примером исполнения интеллектуальной обязанности эмигранта перед самим собой и перед страной, выбранной им для жизни, а также советом, как переставать чувствовать себя вечным эмигрантом... Я знаю, рукопись переписывалась неоднократно, и я с удовольствием и пользой для себя перечту ее еще раз, чего и другим желаю...

— *Борис Дынин, Канада*

...Работа Игоря Юдовича лично для меня представляет особый интерес, так как все, что мне было известно по поводу Государственного устройства и истории США укладывалось в обычный набор знаний «гомо советикус». Конечно, телевидение, разного рода отрывочные статьи несколько расширяли кругозор, но системности в восприятие не добавляли и общего уровня моих знаний не меняли... Автор выводит меня из этого круга и, на основе своего исследования, предлагает инструмент и метод, свободный от устоявшихся в сознании норм и правил...

— *Марк Фукс, Израиль*

...Материал книги заслуживает многократной хвалы, и больше всего мне понравилось то, что вы замечательно передали контекст того времени, и эволюцию понятия того, что считается нормой, социальной и юридической. Очень вам признателен...

— *Борис Тененбаум, США*

...Написано прекрасно. И по стилю, и по изложению, и по соблюдению баланса между объективными свидетельствами и субъективными оценками автора. Про огромную эрудированность автора в выбранной теме — ее трудно перехвалить. Очень рад за вас, Игорь. И за нас, читателей...

— *Евгений Майбурд, США*

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-04-8

9 0000 >

9 781940 220048